

архим. Сергей

**Учение блаженного
Августина о предопределении
в связи с обстоятельствами
его жизни и деятельности**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
А87

А87 **архим. Сергей**
Учение блаженного Августина о предопределении в связи с обстоятельствами его жизни и деятельности / архим. Сергей – М.: Книга по Требованию, 2013. – 62 с.

ISBN 978-5-518-07029-5

Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1887, I, с. 431-492.

ISBN 978-5-518-07029-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

умолимый рокъ, не располагаетъ ли это ученіе однихъ къ самонадѣянности и ко грѣху, а другихъ къ ожесточенію и отчаянію и проч. Понятно, на всѣ эти частные соприкосновенные къ существу дѣла вопросы и на самый коренной вопросъ касательно совершеннаго разстройства человѣческой природы въ Адамѣ не могла дать отвѣтъ собственная жизнь Августина, ихъ могла вызвать лишь сторонняя реакція: съ его жизни списаны можно сказать общія существенныя черты, (обрисовывавшія собою 2 и 3 пункты изложеннаго ученія).

I.

Главная формула въ ученіи Августина, — что при всеобщей и всецѣлой испорченности человѣческой природы спасаются только тѣ, кого благодать Божія непреодолимо влечетъ къ тому, — внушена была ему съ одной стороны сознаниемъ безмѣрной своей грѣховности, а съ другой чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія и благодарности предъ Богомъ за чудесное его призваніе. Всецѣло проникнутый чувствами смиренія, благоговѣнія и благодарности предъ чудными путями сверхъестественнаго его призыва ко спасенію, глубоко убѣжденный, что этотъ способъ призванія есть самый лучший и совершеннѣйшій какъ для вѣщей славы Божіей, такъ и для смиренномудреннаго спасенія человѣка, Августинъ думаетъ, что и всѣ люди, подобно ему, призываются ко спасенію исключительно по волѣ Всеблагаго Провидѣнія помимо ихъ грѣшной воли, не подозрѣвая того, что его личный опытъ и способъ призванія не можетъ быть мѣркою и нормою для всѣхъ. Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ, почему такъ сильно повліяли на это ученіе всѣ личныя особенности его жизни и характера, почему онъ личный свой опытъ и способъ призванія принялъ за общечеловѣческой, мы, кажется, должны всего обстоятельнѣе раскрыть тотъ основной пунктъ, на которомъ держится все ученіе, т. е., дѣйствительно ли во всей своей жизни — преимущественно до обращенія — онъ видѣлъ одну нескончаемую цѣпь заблужденій, слабостей и паденій, а добро, какое только находилъ въ себѣ, признавалъ

даромъ благодати, и вѣровалъ ли такъ сильно въ неусыпное бодрствованіе надъ нимъ Провидѣнія и благодати, въ неуклонное и непреодолимое направленіе всѣхъ путей жизни его ко спасенію. Наилучшій отвѣтъ на это дастъ намъ собственная его исповѣдь, по которой 1) и прослѣдимъ, какъ чрезъ всю его жизнь проходитъ у него сознаніе безпредѣльной грѣховности и совершеннаго безсилія его къ добру, и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣжденіе въ непреодолимомъ влеченіи его ко спасенію силою благодати.

Такъ называемый невинный младенческій возрастъ свой онъ находитъ полнымъ беззаконій и грѣховъ: „развѣ некоризненны и невинны были, говоритъ онъ, такого рода поступки, какъ со слезами требовать чего нибудь вреднаго, сердиться и досадовать на старшихъ себя и на родителей за то, что они не слушаютъ младенческихъ причудъ, царапаясь и кусаясь стараться вредить имъ за то, что не выполняють вредныхъ требованій и плачемъ наказывать себя за то“? Но благоговѣйный и усматривающій во всемъ пути Провидѣнія взоръ его видитъ, что „и младенца, такъ рано и такъ далеко удаляющагося отъ Бога Отеческая Его благость ищетъ, блюдетъ, кормитъ сладостію и утѣхою материнскаго молока, и что и его, въ бытность его младенцемъ, по закону природы, Ею же предначертанному, та же Отеческая благость хранила и питала, какъ родное дитя, что Она давала ему чувствовать, чтобъ онъ не требовалъ этой пищи болѣе того, сколько Она подавала ему, и кормившимъ его Она влагала стремленіе подавать ему то, что Она подавала имъ отъ изобилія щедротъ своихъ. Благо мое, какъ и всякое благо, сознается благодарная и преданная Богу душа, хотя передавалась мнѣ ими, но оно отъ Тебя исходило и Тобою совершалось; отъ Тебя, Боже мой, все спасеніе мое“.

(1 Liber, cap. 7).

Въ отроческой своей жизни, иногда въ ничтожныхъ, по видимому, обстоятельствахъ и приключеніяхъ, онъ еще осязательнѣе видитъ надъ собою руку крѣпкую и мышцу высокую, ведшую его, недовѣдомо для него самого, къ высокимъ цѣлямъ его. Его отдали въ школу, поставивъ ему правиломъ слушаться наставленій старшихъ и обучаться наукамъ, кото-

рыя бы обезпечили ему со временемъ счастливое положеніе въ обществѣ. Но онъ не слушалъ никакихъ наставленій, учился по одному принужденію, увлекался играми, любилъ кичливыя побѣды въ состязаніяхъ, раздражалъ воображеніе вымышленными разказами, стремился на зрѣлища, на игры большихъ. За это часто наказывали, сѣкли его. Родители и старшіе, хотя и не желали ему зла, смѣялись надъ нимъ, когда его наказывали. Все это крайне убивало пылку и впечатлительную натуру, и оставяло въ ней самыя тяжелыя чувства. Разбитый и подавленный онъ услышалъ, повидимому случайно, отъ нѣкоторыхъ людей о Нѣкомъ великомъ Существовѣ, Которое, не являясь нашимъ чувствамъ, выслушиваетъ насъ, помогаетъ намъ. Мальчикъ ухватывается за Него всею душею, просить у Него помощи, заступничества и убѣжища отъ своихъ напастей, и, призывая Его, преодолеваетъ всѣ трудности ученія, спасается отъ всѣхъ невзгодъ. Во всѣхъ этихъ приключеніяхъ и событіяхъ онъ исповѣдуетъ пути Всевышняго: „Ты, у Котораго и волосы на головѣ нашей сочтены, погрѣшности и заблужденія понуждавшихъ меня учиться и имѣвшихъ въ виду лишь одно удовлетвореніе ненасытнымъ желаніямъ богатства и славы, обращалъ въ мою пользу, а мое отвращеніе отъ ученія, непокорность и послушаніе, — по тому непреложному закону Твоему, что всякій безпорядокъ встрѣчаетъ соотвѣтственное себѣ наказаніе, — Ты вмѣнялъ мнѣ въ наказаніе и дѣлалъ праведное мнѣ воздаяніе. Меня, маленькаго мальчика, и такого великаго грѣшника, прежде чѣмъ я искалъ Тебя, Ты уже искалъ, звалъ, нудилъ и влекъ къ Себѣ, влекъ и чрезъ случайно встрѣтившихся людей, этихъ посланниковъ Твоихъ и чрезъ видимое покровительство въ юныхъ трудахъ и скорбахъ моихъ: Ты, Боже, свѣтъ сердца моего, духовная пища души моей, животворная сила ума моего!“ (1 Liber cap. 8 — 13).

Въ посѣщеніи его болѣзнію (затверденіемъ желудка, отъ которой онъ едва не умеръ) онъ видитъ новый чудный призывъ его къ Богу. Какъ только онъ съ вѣрою и раскаяніемъ сталъ просить крещенія, вдругъ выздоровѣлъ: „Богъ, мой хранитель и исцѣлитель, восклицалъ исцѣленный, врачевалъ меня для того, чтобъ я жилъ для Него“. Но крещеніе, по

разнымъ невольнымъ обстоятельствамъ, было отложено: какъ будто нужно было, чтобы приумножились его грѣхи, да преизбыточествуетъ въ нихъ благодать. (1 Liber, с. 14).

Возвращаясь къ школьной своей жизни, Августинъ горько сѣтуетъ на то, что неблагоприятные учителя, долго держа его на Гомерѣ и другихъ образцахъ краснорѣчія, съ ихъ недостойными повѣствованіями о безнравственныхъ дѣлахъ боговъ, — растлѣвали юную его нравственность, что неумѣренными похвалами за всякое отличіе въ ученіи и играхъ непомѣрно раздражали въ немъ самолюбіе и зависть, что вообще, по волѣ людей, онъ былъ поставленъ надъ пропастью нечестія... Но Отеческая благодать съ высоты небесъ надзирала, бодрствовала надъ нимъ: прощала ему грѣховныя удовольствія при суетныхъ этихъ занятіяхъ и, по возможности отвращала его очи во еже не видѣти суеты, производя въ глубинѣ его души томленіе и крушеніе, смятеніе и замѣшательства, и возбуждая его искать истины и правды, всего возвышеннаго и изящнаго не въ тваряхъ, но въ Ней самой. Такъ, по крайней мѣрѣ, вѣрилъ онъ впоследствии, по обращеніи, и не зналъ чѣмъ возблагодарить Бога за эти милости. Все доброе въ своемъ воспитаніи, то на примѣръ, что „у него память была хороша, что въ рѣчи своей умѣлъ соблюдать изящество, въ дружбѣ находилъ удовольствіе, не терпѣлъ отчужденія, невѣжества, — все онъ признавалъ дарами раба, которые преизобильно умножалъ и усовершеншалъ въ немъ Богъ, его сладость, слава и упованіе“ (Liber 1 с. 15—20).

Приступая къ обзорѣнію юношеской своей жизни, тѣхъ двухъ годовъ, которые онъ провелъ въ родительскомъ домѣ, по выходѣ изъ школы, онъ съ ужасомъ видитъ, какъ поднялась въ немъ буря страстей, (преимущественно плотскихъ), омрачила всю душу, увлекла ее „по стремнинамъ вождельній“ въ бездну пороковъ. Домашніе и ближніе, за исключеніемъ матери, не заботились извлечь его изъ этой бездны. Одинъ Господь съ Своею строгостію и милосердіемъ не оставлялъ его: „всѣ законопреступныя удовольствія юности растворялъ горькими упреками и неизъяснимою досадою, и тѣмъ самымъ заставлялъ многмятежную душу искать удовольствій

безупречныхъ и нигдѣ, какъ въ Немъ, Источникъ всякія радости и утѣхи, и такимъ образомъ его, растерзаннаго и разбросаннаго по частямъ, Онъ единый собиралъ въ одно“. (Liber 2 с. 1—3). Ту же непреодолимо влекущую и спасающую силу Божію онъ ощущалъ и во вліяніи на него благочестивой матери его. „Ея заботливыя увѣщанія къ цѣломудрію, кротости и проч. — чьи это были слова, Господи, зывалъ Августинъ, какъ не Твой голосъ, хотя я долго не замѣчалъ и не понималъ этого, хотя ея внушенія и совѣты казались мнѣ женскою слабостію“. (Liber 2, с. 4).

Далѣе, по удаленіи его изъ родительскаго дома, неисповѣдимое Провидѣніе попускаетъ ему рядъ паденій, начавшійся съ того, что онъ сталъ воровать вмѣстѣ съ товарищами, воровать не отъ бѣдности, не отъ крайности, а ради того только, что это не дозволено, чтобъ находить удовольствіе въ самомъ удалескомъ воровствѣ, во взаимномъ сообществѣ и одобреніи участниковъ преступленія. И, Богъ знаетъ, исповѣдуются Августинъ, чѣмъ бы все это кончилось, еслибъ Отецъ небесный не сжалился, не умилился надъ блуднымъ этимъ сыномъ и не предохранилъ его отъ многихъ преступленій его сообщничества! Какъ бы то ни было, но въ мрачной товарищеской средѣ юный Августинъ былъ сравнительно свѣтлая личность, таившая отъ нея свои добрыя качества: въ глубинѣ души онъ тяготился ею и, влекомый силою свыше, стремился къ покою невозмутимому и жизни безмятежной (Liber 2, с. 4—10).

Слѣдующіе 9 лѣтъ есть бурное время всякаго рода страстей и умственныхъ заблужденій. Сладострастіе, страсть къ театральнымъ зрѣлищамъ, высокоуміе и другія страсти, и прежде бушевавшія въ душѣ его, теперь не знали ни числа, ни мѣры, ни степени. Нравственность его падала тѣмъ ниже, чѣмъ болѣе возвышался уровень его образованія, чѣмъ больше приобрѣталъ онъ свѣдѣній (на 20 году онъ обладалъ обширными свѣдѣніями во всѣхъ liberalibus artibus), тѣмъ худшее употребленіе давалъ онъ имъ въ жизни, тѣмъ дальше становился онъ отъ истины. Отъ источника истины, Слова Божія онъ презорливо отшатнулся: не постигая внутренняго его содержанія, онъ считалъ его слишкомъ про-

стымъ, положительнымъ и даже грубымъ, и несравненно болѣе предпочиталъ ему изящнаго и краснорѣчиваго Гортензія (затерянное сочиненіе Цицерона). Но и Цицеронъ не удовлетворилъ его любознательности, хотя и зажегъ въ немъ непреодолимое желаніе мудрости: онъ искалъ мудрости болѣе тонченной, которая бы обѣщала ему чудеса. Въ немъ возникла страшная борьба мыслей и чувствъ: умъ требовалъ знанія, сердце искало покоя вѣры. Въ жгучемъ этомъ бorenіи онъ бросается въ секту манихеевъ. Съ своими мнимыми тайнствами, своимъ безобразнымъ смѣшеніемъ языческой философіи съ ученіемъ евангелія (своими бредными о происхожденіи міра изъ двухъ началъ, о тѣлесности Бога и ангеловъ, о призрачности плоти и страданій Спасителя, о происхожденіи ветхаго завѣта изъ злаго начала, нравственныхъ законовъ изъ народныхъ обычаевъ) и своими обаятельными обольщеніями для ума и чувственности секта эта довершила умственные его заблужденія и нравственные паденія: онъ самъ признавался, что для души его стократно менѣе пагубны были басни язычниковъ, нежели вымыслы манихеевъ (III Liber. cap. 3 — 6). Но чѣмъ глубже онъ падалъ, тѣмъ болѣе бодрствовало надъ нимъ Неизреченное Милосердіе. Оно горькою и спасительною желчью растворяло пагубныя страстныя его удовольствія и вразумляло его своими праведными наказаніями, хотя эти наказанія, по собственному его сознанію, ничего не значили въ сравненіи съ тяжкими его преступленіями. „Оно научило его безхитростно учить словеснымъ хитростямъ (въ грамматическихъ и риторическихъ школахъ, открытыхъ имъ въ Карфагенѣ, а потомъ въ Тагастѣ) и образовывать въ добромъ смыслѣ добрыхъ учениковъ. Оно предохранило его отъ гнусныхъ чаръ какого то прорипателя, который обѣщалъ ему, чрезъ покровительство благопріятныхъ духовъ (daemonia), доставить побѣду въ публичныхъ состязаніяхъ въ чтеніи, пѣснопѣніи. Оно ниспослало два чудесныя знаменія своего неусыпнаго храненія и покрова надъ нимъ. 1) Мать оплакиваетъ его паденіе такъ горько, что слезы ручьи льются у нея и орошаютъ собою землю на всякомъ мѣстѣ ея молитвы, „день и ночь ходатайствуя о его обращеніи“. И вотъ, въ тонкомъ снѣ ея является къ

ней ангелъ и говорить, что „сынъ ея будетъ съ нею и гдѣ она, тамъ и онъ“. а она уже прервала всякое общеніе съ сыномъ сектантомъ, розно ѣлъ и пила съ нимъ. 2) Одинъ св. епископъ, въ молодости своей зараженный манихействомъ и, послѣ тщательнаго изученія секты, самъ собою отставшій отъ нея, — сколько по собственному опыту, столько и по внушенію свыше, — сказалъ матери, когда та со слезами умоляла его вразумить погибающаго сына: „оставь его пока, — со временемъ онъ самъ увидитъ грубость заблужденія своего, которое и отвергнетъ, и пошлость нечестія, отъ котораго отстанетъ; при томъ, быть не можетъ, чтобы чадо столькихъ слезъ погибло“. Можно думать, что Провидѣніе, такъ чудно предуготовлявшее его обращеніе, нарочито пустило ему блуждать въ тьмѣ суевѣрій и страстей, чтобы, посредствомъ тяжкаго опыта, дать ему живо восчувствовать, что нѣтъ нигдѣ истины и мира, кромѣ Источника истины и правды, чтобы тѣмъ сильнѣе впослѣдствіи привязать его къ нимъ. Это онъ и самъ сознавалъ въ мрачномъ томленіи души своей, когда только приходилъ въ себя. Такъ онъ сознается, что прекрасныя сочиненія Цицерона не удовлетворяли его потому, что онъ не нашелъ въ нихъ сладчайшаго имени Іисуса, которое онъ воспринималъ вмѣстѣ съ материнскимъ молокомъ (Lib. III, с. 7—12). Такимъ образомъ и сквозь мракъ заблужденія свѣтился для него свѣтъ высшей истины и заставлялъ томящуюся душу устремляться къ нему, искать его, хотя и не вдругъ далъ найти себя.

Теперь Господь посылаетъ, какъ особыхъ провозвѣстниковъ уготовлявшагося ему спасенія, нѣкоторыхъ избранныхъ людей. Близкое знакомство въ Кареагенѣ съ такимъ мужемъ, какъ опытный и престарѣлый врачъ Виндиціанъ, сдѣлавшійся домашнимъ его другомъ и собесѣдникомъ, было дѣломъ особаго о немъ промышленія: „въ лицѣ этого старца Цѣлитель душъ и тѣлесъ посѣщалъ его и благоволилъ исцѣлить душу его отъ разныхъ заблужденій астрологіи, которой онъ было страстно предался (Lib. IV с. 3). Въ Тагастѣ Провидѣніе сводитъ его съ какимъ то другомъ, (какимъ именно, не говоритъ ни одинъ жизнеописатель его), и, послѣ одолѣтней дружеской жизни ихъ, изъеждетъ друга изъ жизни, удостоивъ

его предъ смертію св. крещенія. Внезапная смерть и неожиданное обращеніе друга произвели необычайное дѣйствіе на Августина. Считавшій друга „дражайшею половиною души своей, вѣрившій, что ихъ души составляютъ какъ бы одну душу въ двухъ тѣлахъ“, Августинъ нѣсколько недѣль страдалъ, вздыхалъ, стоналъ, проливалъ слезы; долго носился съ измученною и истерзанною душою, нигдѣ и ни въ чемъ не находя себѣ покоя, ни въ зрѣлищахъ, ни въ увеселеніяхъ, ни въ занятіяхъ. Самая отчизна стала для него въ тягость и отеческій домъ—несчастьемъ, потому что здѣсь все напоминало о потерянномъ другѣ. Чтобы уйти отъ преслѣдующей его тѣни друга, онъ удалился изъ Тагаста опять въ Карфагенъ. При всей вѣжности и впечатлительности души, столь безутѣшная скорбь по другѣ, съ которымъ онъ знакомъ былъ всего одинъ годъ, была явленіемъ не совѣмъ естественнымъ: „это была безотчетная тоска не столько о потерѣ близкаго сердцу, сколько объ удаленіи отъ никогда Нетеряющагося и вѣчно Пребывающаго, это былъ особенный призывъ изнывающей души къ Тому, въ Комъ все ея благо и счастье: я знаю, взывалъ онъ изъ глубины скорбной души, что за исцѣленіемъ и облегченіемъ надлежало обратиться къ Тебѣ, Господи! Знаю, но не смѣю, боюсь! Но Ты, преслѣдующій бѣгущихъ отъ Тебя, Богъ мщенія и Источникъ милосердія, обращающій насъ къ себѣ непостижимыми путями,—Ты, чрезъ скорбный этотъ ударъ, иссушившій сердце и кости мои, вразумлялъ и обращалъ меня къ Себѣ“ (Liber IV с. 4 — 7).

Но время и общество друзей уврачевали скорбь. Онъ весь отдается ученымъ и преподавательскимъ занятіямъ. Особенно увлеченный риторомъ Піэріемъ, онъ, чтобы получить одобрительный отзывъ отъ знаменитаго ритора, представилъ ему свое сочиненіе „о прекрасномъ и приличномъ“. Какъ самъ онъ сознается, это былъ жалкій опытъ юношескихъ иллюзій: прекрасное и приличное опредѣлялось и построеновалось у него по образцамъ чувственнаго міра. Увлекавшаяся всякимъ вѣтромъ, объятая гордостію душа его кружилась то тамъ, то сямъ, подобно звуку, носящемуся въ воздухѣ, и—свѣтъ былъ закрытъ для нея облакомъ, и истины она не видѣла.

Тѣмъ не менѣе руководство спасительнаго Промысла было для нея слишкомъ ощутительно: „Ты взжигалъ свѣтильникъ мой, Господи, взывалъ онъ, вспоминая это время, Ты, Боже мой, просвѣщаль тьму мою! Способность и навѣкъ мой безъ особеннаго труда и даже руководства такъ скоро понимать все: въ свободныхъ наукахъ краснорѣчія и философіи, въ искусствахъ музыки и поэзіи и въ измѣреніяхъ математическихъ, и это умѣнье быстро и удобопонятно передать всякія знанія другимъ, и всякое знаніе мое—отъ Тебя, Боже мой! Понятливость и проникаемость моя суть Твои дары, хотя я и не приносилъ ихъ въ жертву Тебѣ, но удалился съ ними въ страну далекую, чтобъ расточить достояніе Твое на распутныя ирихоти и пожеланія“ (Lib. IV, с. 14—16).

Вразумляющее и вседѣтельное промышленіе Божіе начинаетъ мало по малу разгонять мракъ заблужденій и, что всего удивительнѣе, чрезъ самыхъ же омрачителей его. Оно дало ему способность прозрѣть во всю ложь и невѣжество, скрывавшіяся за роскошнымъ нарядомъ словъ въ ученіи всѣми превозносимаго Фавста, манихейскаго епископа, Оно внушило ему, что въ несвязныхъ и невѣжественныхъ вымыслахъ всей манихейской секты нѣтъ ничего самостоятельнаго, похожаго на ученіе мыслящихъ философовъ, и такимъ образомъ онъ въ душѣ отплатнулся отъ секты, хотя явно и не расторгалъ съ нею связей: „Ты руководилъ меня неисповѣдимыми путями Твоего Промысла и обратилъ наконецъ взоръ мой на нелѣпыя заблужденія мои, выставивъ мнѣ ихъ на лицо съ тѣмъ, чтобы я возненавидѣлъ ихъ. Ты облегчилъ мнѣ выходъ изъ этихъ сѣтей. Да кто иной могъ подать мнѣ спасеніе, кромѣ Твоей десницы, возсозидающей то, что Ты сотворилъ“?. (Liber. V, capitula 1—7).

Всю глубину сокровенныхъ путей и отеческое Господне благопромышленіе о немъ Августинъ усматриваетъ и прославляетъ въ томъ обстоятельстве, что онъ задумалъ, во что бы то ни стало, переселиться и переселился изъ Карфагена въ Римъ. Въ самомъ дѣлѣ, выгоды и почести; какія друзья общали ему въ Римѣ, не занимали его. Недовольство карфагенскими учениками, (правда, очень своевольными, нагло

врывавшимся въ школу во время занятій и, подобно горячечнымъ и неистовствующимъ, безнаказанно производившими беспорядокъ въ ней), и надежда водворить болѣе строгую дисциплину въ римской школѣ были слишкомъ не важными побужденіями, чтобъ покинуть Кареагенъ, гдѣ онъ былъ такъ великъ и славенъ. А что значило это тайное бѣгство отъ любимой матери, которая плакала, обмирала, гналась за нимъ, сторожила всю ночь корабль его, чтобъ воспрепятствовать его отбытію, — это никакъ не удержимое, непонятное для него самого влеченіе въ чуждое мѣсто, къ чуждымъ людямъ? Онъ самъ объясняетъ это, говоря, „Ты, Господи. приближице и доля моя на землѣ живыхъ, при такой перемѣнѣ мѣстопребыванія моего, имѣлъ въ виду душевное мое спасеніе: съ этою цѣлю Ты оттолкнулъ меня отъ Кареагена и привлекъ въ Римъ; для исправленія путей моихъ Ты воспользовался перемѣнчивостію въ мысляхъ и дѣйствіяхъ моихъ съ непостижимою для меня сокровенностію, и дѣлалъ это чрезъ людей, манившихъ меня къ чему то иному, помышлявшихъ только о земной суетѣ“ (Lib. V с. 8). Между тѣмъ, скоро по прибытіи въ Римъ, онъ заболѣлъ и „находился уже на пути къ праотцамъ, неся съ собою все зло свое“. Благочестивая мать ничего этого не знала, а только молилась и плакала за него вдали: и вотъ „Всевышній, никогда не оставлявшій его и всегда творившій то, чему надлежало быть по предустановленному порядку предопредѣленія Его, услышалъ ее и его помиловалъ“: онъ вдругъ выздоровѣлъ.

Это второе чудесное исцѣленіе его отъ недуговъ не уврачевало однакожъ грѣшной души его, хотя въ планахъ Провидѣнія и должно было предуготовлять его къ лучшей духовной жизни. Въ Римѣ онъ снова сошелся съ манихеями и даже жилъ съ однимъ изъ этихъ избранныхъ (electi) пустосвятовъ и обманщиковъ. А тутъ еще стали терзать его душу сомнѣнія скептиковъ - философовъ. Крайній скептицизмъ, въ который онъ такъ скоро впалъ, нанесъ бы смертный ударъ обуреваемой душѣ, еслибъ не спасло ее Провидѣніе. Спасительнымъ средствомъ Оно избрало на этотъ разъ платоническую философію, служившую для него какъ бы переходомъ отъ грубыхъ чувственныхъ представленій манихейства къ